

Таким образом, после принятия в 1992 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», его новых редакций в 1999 и 2015 гг., а также соответствующего модельного Закона 1997 г. положение не изменилось. Правовое содержание негласности не определено, лишь в Законе 2015 г. говорится о процедурных аспектах проведения оперативно-розыскных мероприятий негласно.

Наряду с термином негласности, законодатель в оперативно-розыском нормотворчестве активно использует термины конфиденциальность и конспирация, также не определяя их правовое содержание. Смысловое их толкование весьма различно.

В юридической науке комплексных монографических исследований по проблеме негласности оперативно-розыскной деятельности не проводится, обращение ученых к названной теме носит фрагментарный характер. Так, Н.В. Павличенко и А.С. Самоделкин применительно к оперативно-розыскной деятельности негласность представляют как статическое состояние определенной системы (информации, деятельности и т. п.), скрываемой от заинтересованных лиц. И.Н. Зубач понимает негласность с этимологической точки зрения как определенную качественную характеристику порядка какой-либо деятельности, непосредственно самой деятельности или ее результатов, которая иллюстрирует то, что ввиду определенных условий либо сама деятельность, либо ее часть, либо ее результаты скрыты и имеют специфический режим разглашения и доступа. И.И. Бранчель, О.В. Благаренко и А.В. Солтанович под негласной формой осуществления ОРД понимают случаи, во-первых, когда ОРД осуществляется при условии закрытости (недоступности) процесса осуществления этих мероприятий как для лиц, не имеющих отношения к осуществлению ОРД, так и для общественного контроля; во-вторых, когда в процессе осуществления ОРД должностные лица ее субъектов не могут официально представлять интересы органа, осуществляющего ОРД, и выступать от его имени и по его поручению.

Как представляется, оперативно-розыскная деятельность – это система мер по получению информации, необходимой для решения задач по обеспечению национальной безопасности, поставленных государством перед уполномоченными ведомствами. Эта информация добывается с помощью оказывающих содействие граждан, так и в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий как гласно, так и негласно.

Если собственник (владелец) необходимой информации не мотивирован на ее сокрытие, искажение либо уничтожение, существует возможность обратиться к такому субъекту непосредственно и получить информацию добровольно либо в результате реализации возложенной на такого субъекта обязанности. В данной ситуации исключительно важно то, что действия происходят гласно, без сокрытия от собственника (владельца) интереса и требуемого объема информации.

Когда информация крайне необходима, а ее собственник (владелец) не мотивирован на взаимодействие, сотрудничество, стремится утаить информацию, исказить ее, а нередко и уничтожить, то объективно требуется получить информацию помимо воли и желания ее собственника (владельца), т. е. тайно с использованием специальных средств, в первую очередь, технических.

Государство, в случае крайней необходимости, легализует на уровне закона тайное изъятие информации у ее собственника (владельца). В этом юридическая сущность негласности оперативно-розыскной деятельности. Она предопределяет уникальность оперативно-розыскной работы.

Опираясь на приведенное определение юридической сущности негласности как системообразующей категории оперативно-розыскной деятельности, К.В. Чупругин предложил рассматривать ее в двух формах – получения информации и защиты информации. По его мнению, о получении информации речь идет в случае проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий и использования конфиденциального содействия граждан. В ходе проведения названных негласных мероприятий информация добывается помимо воли и желания гражданина – собственника либо владельца информации.

В свою очередь, негласность как форма защиты информации выступает при оказании гражданами содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сохранения в тайне полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий данных. Негласность, как форма защиты информации, согласуется с конфиденциальностью содействия, которая подчеркивает доверительность сторон в процессе взаимодействия.

Конспирация же, представляющая собой совокупность предусмотренных действующим законодательством ограничительных мер, выступает как средство обеспечения негласности и конфиденциальности оперативно-розыскной деятельности.

Полученные К.В. Чупругиным результаты позволяют глубже понять правовую природу оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, обеспечить их эффективное взаимодействие в борьбе с преступностью и в то же время избежать необоснованного использования оперативно-розыскных мер в уголовном процессе.

УДК 346.5

В.С. Гальцов

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Начавшаяся примерно в 60-х гг. прошлого века цифровая (информационная) революция стала причиной того, что после первых попыток автоматизации технологий и бизнес-процессов мировое сообщество пришло к созданию экономик, основанных на цифровых информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). При этом в мире нет единого понимания содержания термина «цифровая экономика». В различных публикациях можно встретить такие термины, как «информационная экономика», «креативная экономика», «интернет-экономика», «электронная экономика» и др. В свою очередь, в каждом термине ученые отражают свои вариации соединения понятий «экономика» и «информационно-коммуникационные технологии».

Цифровая экономика определяется как система социальных, экономических и технологических отношений между государством, бизнес-сообществом и гражданами, функционирующая в глобальном информационном пространстве, посредством широкого использования сетевых цифровых технологий генерирующая цифровые виды, формы производства и продвижения к потребителю продукции и услуг, которые приводят к непрерывным инновационным изменениям методов управления и технологий в целях повышения эффективности социально-экономических процессов.

Понятие «цифровая экономика» имеет несколько аспектов:

на макроэкономическом уровне – это экономическая политика, целью которой является повышение эффективности за счет перехода на цифровую основу государственного управления и экономических отношений. Схематично это выглядит так: цифровая экономика = национальная экономика + ИКТ;

на микроэкономическом уровне – это использование ИКТ для автоматизации хозяйственной деятельности или создание продукции рассматриваемой сферы. Примером является деятельность фирм, резидентов Парка высоких технологий;

в обществе – это использование автоматизированных информационных систем для обеспечения жизнедеятельности и потребления по средствам продуктов сферы ИКТ (например, оплата коммунальных и других услуг через интернет);

в научной среде цифровая экономика – это симбиоз экономических, правовых и информационных знаний.

Правовую основу развития цифровой экономики составляют Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 2 декабря 2013 г. № 531 «О некоторых вопросах информатизации», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 февраля 2018 г. № 167 «О создании Совета по развитию цифровой экономики».

О значимости развития цифровой экономики в обеспечении экономической безопасности Республики Беларусь говорят следующие показатели: количество оказанных государственных услуг электронного правительства в 2016 г. – 1,3 млн, 2018 г. – 5,1 млн; количество учреждений образования, задействованных в проекте «Электронная школа» в 2011 г. – 2,5 %, 2018 г. – 16,4 %; процент населения, использующего сеть Интернет ежедневно в 2011 г. – 26,4 %, 2018 г. – 62,6 %; удельный вес населения, использующего сеть Интернет для оплаты товаров, услуг, перевода денег и т. д., в 2013 г. – 7,3 %, 2018 г. – 32,2 %; экспорт услуг сферы ИКТ в общем объеме экспорта услуг в 2011 г. – 8,2 %, 2018 г. – 21,2 %; объем производства продукции (работ, услуг) организаций сферы ИКТ в 2016 г. – 5 862,73 млн р., 2018 г. – 8 576,83 млн р.; иностранные инвестиции, поступившие в организации сферы ИКТ, в 2016 г. – 366,7 млн долл. США, 2018 г. – 585,8 млн долл. США; списочная численность работников организаций сферы ИКТ в 2018 г. составила 100 655 человек; число организаций – резидентов Парка высоких технологий в 2011 г. – 104, 2018 г. – 454.

В соответствии с Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы в нашей стране определены следующие направления: развитие посредством применения ИКТ системы государственного управления; обеспечение безопасности и удобства электронных коммуникаций между гражданами, предпринимателями и государством; повсеместный перевод коммуникаций в электронную форму; формирование единого информационного пространства для оказания электронных услуг; увеличение объема производства и потребления товаров и услуг сферы ИКТ и др.

Для развития цифровой экономики и информационного общества в Республике Беларусь создана государственная система правовой информации организована электронная торговля в части электронных государственных закупок (например, практически 100 % государственных закупок проводятся только на электронной торговой площадке); для оплаты услуг построено единое расчетное и информационное пространство (ЕРИП); сформирована система учета человеческого капитала (например, внедрена электронная система проведения переписи населения Республики Беларусь 2019 г.); создана система электронного образования (например, внедрен проект «Электронная школа», обеспечивающий информационное взаимодействие педагогов, обучающихся и родителей); образована система электронного здравоохранения (например, электронные медицинские карты и рецепты); совершенствуется электронная занятость и социальная защита населения (например, создана электронная служба занятости населения).

Для повышения эффективности реального сектора экономики и обеспечения экономической безопасности в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 2 декабря 2013 г. № 531 «О некоторых вопросах информатизации» реализуются свыше 50 отраслевых и региональных программ информатизации.

Говоря о положительных моментах цифровой экономики, также следует обозначить и обратную сторону медали: повсеместное внедрение геолокации и датчиков ведет к вмешательству в личное пространство человека; отдельные граждане уходят от реальной жизни в виртуальный мир; у людей теряются навыки вербального общения; внедрение автоматизации приводит к сокращению рабочих мест и безработице; не могут адаптироваться определенные слои населения, отдельные категории работников и предприятий к реалиям цифровой экономики; исчезают отдельные профессии и рынки; свободно распространяется некачественный товар и недостоверная информация; происходит усиление глобализации и др.

В сфере деятельности правоохранительных органов к отрицательным моментам следует отнести: стирание понятий государственной, таможенной и территориальной границы; определенную бесконтрольность финансовых и иных операций; свободное распространение информации о способах совершения преступлений и технических аспектах изготовления и применения орудий преступлений; организацию посредством социальных сетей нигилистических сообществ; появление новых способов легализации криминальных доходов (например, через виртуальные кошельки и криптовалюту); распространение киберпреступности; постоянное совершенствование криминальных навыков и др.

Подводя итог, следует отметить, что в основе обеспечения экономической безопасности в сфере цифровой экономики лежит надежное и безопасное информационное взаимодействие всех участников. При этом формируются совершенно иные подходы к понятиям материального и нематериального, границ, расстояния, времени, стоимости, потребительских свойств, качества и т. п.

УДК 343.8

К.К. Горяинов

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Оперативно-розыскная политика является составной частью (отраслью, направлением) единой уголовной политики государства. Она представляет собой направления правотворческой и правоприменительной деятельности государства и соответствующих государственных органов по выработке и применению определенных законом средств и методов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства, прежде всего от преступных посягательств.

Развитие оперативно-розыскной политики предполагает выявление, обоснование и оценку социальной обусловленности действующих норм оперативно-розыскного законодательства и правоприменительной практики, а также гармонизацию с другими отраслями права, реализующими уголовную политику.

В этой связи требуется дополнить ряд положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Они должны касаться прежде всего расширения перечня оперативно-розыскных мероприятий за счет включения действий, обусловленных научно-техническим прогрессом, возможностями инновационных технологий, например, мониторинг финансовых сделок, получение финансовой информации, сведений от поставщиков услуг, электронных коммуникаций и др.

С учетом значимости оперативно-розыскной информации для повышения качества уголовного судопроизводства в ряде зарубежных стран оперативно-розыскные мероприятия и их результаты введены в уголовно-процессуальное законодательство, например, как негласные действия (Казахстан), специальные розыскные мероприятия (Молдова) и т. д.

У такого подхода в развитии законодательства есть и преимущества, и недостатки. В частности, результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий, которые проводят оперативные сотрудники по согласованию со следователями, используются в процессе непосредственно, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и получены в соответствии с нормами УПК. Статья 89 УПК РФ устанавливает запрет на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. А они не могут отвечать этим требованиям, так как они получены по нормам другой отрасли законодательства, которые в УПК не представлены.

В то же время надо учитывать, что в УПК Казахстана негласные следственные действия, процедуры которых засекречены (а иного и не может быть!), противоречат сущности уголовного процесса. И действительно, как могут существовать следственные действия, процедуры которых являются тайной для самих участников уголовного процесса?

В законодательных актах, касающихся использования возможностей ОРД при исполнении уголовных наказаний, нормы сформулированы достаточно декларативно, лишь с указанием на их допустимость и в не совсем ясных правовых конструкциях, не охватывают все категории осужденных.

Нормативно и соответственно организационно не обеспечен оперативно-розыскной контроль за осужденными к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. При этом в УИК РФ и ведомственных нормативных актах четко не прописан механизм взаимодействия оперативных подразделений УИС с другими субъектами ОРД.

Надо принимать во внимание, что число осужденных к мерам наказания без лишения свободы ежегодно должно увеличиваться. Статистика свидетельствует, что среди них оказываются значительная часть ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, в том числе за тяжкие преступления. В настоящее время следовало бы принять нормативные акты, позволяющие включить в полноценное оперативное обслуживание контингента осужденных, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, определить категории, кто из них нуждается в интенсивном оперативно-розыском контроле, допустимые в этих целях средства и методы ОРД, конкретные нормативно закрепленные формы взаимодействия с территориальными органами полиции.

Но, с другой стороны, из анализа законодательных установлений видно, что оперативно-розыскные возможности могут использоваться не только непосредственно для борьбы с преступностью. В соответствии со ст. 7 ФЗ «Об ОРД» органы, осуществляющие ОРД, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия и действия, необходимые для принятия решений о достоверности и полноте сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение определенных должностей, а также для проверки достоверности и полноты сведений, представляемых лицами, занимающими соответствующие должности и для проверки соблюдения ими ограничений, запретов и т. п., установленных законодательством, т. е. по существу для решения управленческих (кадровых) вопросов, но в интересах выполнения положений ФЗ от 25 февраля 2008 г. «О противодействии коррупции».

С учетом развития процессов декриминализации некоторых видов преступлений, перевода их в правонарушения административной юрисдикции и сохранения этой тенденции, требуются новые нормативно-правовые установления, касающиеся ОРД.

Такова оперативно-розыскная реальность. Но эта реальность должна быть оценена с той точки зрения, что предназначена ли своевременная ОРД исключительно для воздействия на преступную деятельность или ее предназначение гораздо масштабнее.

В этой связи следует шире проводить межотраслевые исследования с тем, чтобы правильно оценить сложившуюся реальность, наметить и осуществить меры интегративного характера по реализации уголовной политики.